

Друг

Автор:

Сигрид Нуньес

Друг

Сигрид Нуньес

Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы

Когда преподавательница литературного мастерства теряет лучшего друга и возлюбленного, ее жизнь катастрофически меняется. Ей кажется, что мир вокруг утрачивает свои краски, а окружающие не понимают элементарного: она никогда не будет прежней.

Случайный подарок судьбы – огромный дог по имени Аполлон – становится для нее словно еще одним наказанием. Но чем больше времени она проводит с собакой, тем сильнее осознает – не только она может помочь ему, но и он ей.

Сигрид Нуньес

Друг

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть 1

В восьмидесятые годы двадцатого века большое количество камбоджиек, живших в Калифорнии, обращались к своим лечащим врачам, жалуясь на одно и то же – на слепоту. Все они были беженками и перед тем, как покинуть родину, стали свидетельницами зверств, которыми прославились красные кхмеры, правившие Камбоджей с 1973 по 1979 год. Многие из этих женщин оказались изнасилованы, подвергнуты пыткам или иным жестоким издевательствам. Члены семей большинства из них были убиты у них на глазах. Одна такая женщина, которая так больше никогда и не увидела своего мужа и трех детей после того, как их увели солдаты, сказала, что зрения она лишилась, так как на протяжении четырех лет плакала каждый день. И она была не единственной, кто ослеп от слез. Были и другие, страдавшие от расфокусировки или частичной потери зрения, а также от затемнений и болей в глазах.

Врачи, которые обследовали этих женщин – всего таких пациенток было около полутора сотен, – обнаружили, что их глаза находятся в нормальном состоянии. Дальнейшие исследования показали, что и мозг у каждой из них функционировал нормально. Так что если эти женщины говорили правду – а кое-кто в этом сомневался, считая, что они симулируют, чтобы привлечь к себе внимание или в надежде на получение пособия по инвалидности, – то единственным объяснением их состояния была психосоматическая слепота.

Иными словами, сознание этих женщин, впитавшее в себя столько ужасов и неспособное впитывать их и дальше, сумело просто-напросто отключить свет.

Именно об этом мы и беседовали во время нашего с тобой последнего разговора, когда ты был еще жив. После этого я получила от тебя только электронное письмо с перечнем книг, которые, по твоему мнению, могли пригодиться мне для изысканий, необходимых для работы над моей и нынешней книгой. И, поскольку декабрь был на излете, письмо оказалось еще и с пожеланиями всех благ в наступающем году.

В твоём некрологе были две ошибки. Во-первых, дата твоего переезда из Лондона в Нью-Йорк была указана неверно с погрешностью в год. А во-вторых, не совсем правильным было написание девичьей фамилии твоей первой жены. Это небольшие погрешности, и позже они были исправлены, но мы все понимали, что тебя бы они привели в ярость.

Однако во время акции памяти о тебе я подслушала диалог, который бы тебя позабавил:

- Жаль, что я не могу молиться.

- Что же тебе мешает?

- Мне мешает Он.

Смог бы, сделал бы. Говоря о мертвых, мы часто используем сослагательное наклонение. А еще у нас, живых, появляется такое чувство, будто уйдя от нас, ты стал всеведущ, что мы теперь не можем скрыть от тебя ничего из того, что делаем, думаем или чувствуем. Удивительное ощущение, что ты читаешь эти самые слова и знаешь наперед все, что я напишу еще.

И это правда, что если ты плачешь достаточно горько и достаточно долго, то в конце концов твое зрение может затуманиться.

Я лежала в кровати, хотя была уже середина дня. Я плакала несколько дней, и от непрерывного плача у меня все это время раскалывалась голова. Я встала и подошла к окну, чтобы посмотреть в него. Еще была зима, у окна оказалось холодно, и меня продувал сквозняк. Но мне были приятны и этот холод, и этот сквозняк, и прикосновение лба к ледяному стеклу. Я все моргала и моргала, но мое зрение никак не прояснялось. Я подумала о тех камбоджийках, которые ослепли от плача. Я продолжала моргать, чувствуя, как в моей душе поднимается страх. И тут я увидела тебя. Ты был одет в свою старую летнюю куртку, которая была немного мала и оттого сидела на тебе еще лучше, а волосы у тебя были темные, густые и длинные. По этим признакам я и поняла, что мы попали в прошлое. В далекое прошлое. Ушли почти на тридцать лет назад.

Куда ты направлялся? Да никуда, просто шел и все. Не затем, чтобы что-то сделать, не затем, чтобы с кем-то встретиться. Ты просто прогуливался, засунув руки в карманы и наслаждаясь видами и звуками улиц. Ты любил это делать. Если я не могу гулять, я не могу писать. Ты всегда работал по утрам, а потом наступал момент, когда тебе начинало казаться, что ты уже не способен написать даже самое простое предложение, и тогда ты выходил из дома и гулял, проходя по много миль. Ты проклинал те дни, когда тебе не удавалось

погулять из-за погоды (правда, это случалось редко, потому что холод или дождь были тебе не помеха, и помешать твоей прогулке могла только настоящая буря). Вернувшись домой, ты обычно вновь садился и брался за работу, стараясь придерживаться того же ритма, какой установил для себя во время прогулки. И чем точнее тебе удавалось соблюсти этот ритм, тем лучше было то, что выходило из-под твоего пера.

Потому что все дело в ритме, говорил ты. Все хорошие предложения начинаются с того, чтобы задать определенный такт.

Ты разместил в Интернете эссе «Как быть бездельником», в котором говорилось об обычае гулять по городу, просто шатаясь без дела, и его месте в культуре словесности. Тогда ты подвергся нападкам, поскольку поставил под вопрос возможность такого времяпрепровождения для женщин. Ты считал, что женщина не может бродить по улицам в том же духе и с теми же чувствами, что и мужчина. На пути гуляющей по городу женщины постоянно возникают препятствия: похотливые мужские взгляды и комментарии, восхищенный свист, попытки облапать. Полученное воспитание заставляет женщину всегда оставаться настороже. Не идет ли этот мужчина слишком близко от нее? А тот малый, не преследует ли он ее? А раз так, то как может гуляющая по улицам женщина достаточно расслабиться, чтобы добиться утраты ощущения собственного «я» и обрести чистую радость от того, что она просто существует на этом свете, которая и является целью истинного празднотания?

В заключение ты написал, что эквивалентом гуляния без цели для женщин, вероятно, является шопинг – точнее говоря, разглядывание товаров в магазинах без намерения что-либо купить.

Я тогда думала, что ты кругом прав. Я сама знаю множество женщин, которым всякий раз, когда они выходят из дома, приходится внутренне собираться, и даже нескольких таких, которые вообще избегают покидать дом. Разумеется, женщине довольно просто подождать, пока она не достигнет определенного возраста, когда она становится невидимой – и проблема решается сама собой.

Правда, надо отметить, что в твоём эссе шла речь о женщинах вообще, хотя на самом деле ты имел в виду молодых женщин.

В последнее время я много гуляла и совсем ничего не писала. Я пропустила срок сдачи рукописи. Мне посочувствовали и дали отсрочку. Но я не сдала рукопись и к новому сроку, и теперь мой издатель думает, что я симулянтка.

Я была не единственной, кто ошибочно думал, что раз ты много об этом говоришь, ты никогда этого с собой не сделаешь. Ведь ты, в конце концов, был отнюдь не самым несчастным человеком, которого мы знали. Твоя депрессия была не самой тяжелой, не тяжелее, чем у других (подумай хотя бы о Г. или Д. или о Т.-Р.) Ты даже – как ни странно это звучит теперь – не казался слишком уж склонным к самоубийству.

Поскольку ты сделал это в самом начале года, можно заключить, что это было твое обдуманное решение.

Как-то раз, когда ты говорил об этом, ты сказал, что тебя могла бы остановить мысль о твоих студентах. Как и следовало ожидать, тебя беспокоило то воздействие, которое подобный пример мог бы на них оказать. Однако мы ничего не заподозрили, когда в прошлом году ты ушел с должности преподавателя, хотя и знали, что ты любишь преподавать и что тебе нужны те деньги, которые тебе платили за эту работу.

В другой раз, когда речь зашла о самоубийстве, ты сказал, что для человека, достигшего определенного возраста, это могло бы быть рациональным решением, абсолютно разумным выбором и даже разрешением всех проблем. В отличие от тех случаев, когда самоубийства совершают люди молодые, что всегда является не чем иным, как ошибкой.

Однажды ты рассмешил нас всех, заявив: Думаю, я предпочел бы, чтобы моя жизнь напоминала новеллу.

Слова Стиви Смит[1 - Флоренс Маргарет Смит, известная как Стиви Смит (1902–1971) – британская писательница, поэтесса и художница.] о том, что Смерть – это единственный бог, который должен явиться, когда ты призываешь

его к себе, доставили тебе массу удовольствия, как и различные высказывания других людей, сводившиеся к тому, что если бы не возможность совершить самоубийство, они бы не могли продолжать жить.

Как-то раз, прогуливаясь с Сэмюэлем Беккетом[2 - Сэмюэль Баркли Беккет (1906–1989) – ирландский писатель, поэт и драматург. Представитель модернизма. Один из основоположников театра абсурда. Получил всемирную известность как автор пьесы «В ожидании Годо». Лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 года.] прекрасным весенним утром, один из его друзей спросил: «Разве в такой день, как этот, вы не радуетесь тому, что живы?» Беккет ответил: «Я бы так далеко не заходил».

И разве не ты рассказал нам, что Тед Банди[3 - Теодор (Тед) Банди – американский серийный убийца, садист, насильник и некрофил, действовавший в 70-е годы двадцатого века.] как-то раз отвечал на звонки по телефону доверия в центре предупреждения самоубийств?

Тед Банди.

– Привет. Меня зовут Тед, и я здесь, чтобы выслушать тебя. Поговори со мной.

Мы были крайне удивлены, узнав, что будет проведена акция памяти о тебе. Ведь мы слышали, как ты говорил, что никогда не пожелал бы ничего подобного и сама мысль об этом тебе претит. Может быть, третья жена просто предпочла проигнорировать твоё желание? Или все дело в том, что эта твоя воля не была выражена в письменной форме? Как и большинство самоубийц, ты не оставил предсмертной записки. Я никогда не понимала, почему это называют именно запиской. Ведь наверняка есть самоубийцы, оставляющие послания, которые никак не назовешь короткими.

По-немецки такое послание называется *Abschiedsbrief*, то есть прощальным письмом.

(Что куда лучше.)

Правда, твое желание быть кремированным было уважено: ни похорон, ни шивы[4 - Шива - в иудаизме период обязательного семидневного траура.]. В твоём некрологе нами уделено особое внимание твоему атеизму. «Между религией и знанием, сказал он, человек должен выбрать знание».

Какое нелепое высказывание для любого, кто знаком с еврейской историей, как было замечено в одном из комментариев.

К тому времени, когда состоялась акция памяти о тебе, шок от твоей смерти сошел на нет. И люди забавлялись гадая, каково это будет, когда все три твоих жены соберутся в одном помещении. Не говоря уже обо всех твоих подружках, которые, как утверждали сплетники, даже не смогли бы уместиться в одном зале. Если бы не показываемое по кругу слайд-шоу, с его повторяющимся раз за разом напоминанием об утраченной красоте и утраченной молодости, эта акция памяти не очень бы отличалась от прочих литературных сборищ. Было слышно, как люди в приемной говорят о деньгах, а также о литературных премиях, выплачиваемых в качестве репараций, и о последней рецензии, которую можно было бы озаглавить «умри, автор, умри». Правила приличия в данном случае диктовали отсутствие слез. Люди использовали предоставленную им возможность для того, чтобы пообщаться между собой, узнать последние сплетни и укоризненно покачать головами, слушая, как твоя вторая жена слишком откровенно делится личными и интимными подробностями своей жизни с тобой (кстати, по слухам, она оформляет все это в виде книги). Надо признаться, что твоя третья жена при этом блистала, но блеск этот был холоден, как у стального клинка. Она держалась так, словно хотела сказать: только попробуйте меня жалеть или намекать, что я в чем-то виновата, и я вам покажу, можете не сомневаться.

Я была тронута, когда она спросила меня, как идет моя работа над книгой. – Мне не терпится ее прочесть, – заявила она затем, чему я не поверила ни на минуту.

– Я не уверена, что закончу ее, – сказала я.

– О, знаете, он хотел бы, чтобы вы ее все-таки закончили.

(Хотел бы.)

У нее такая обескураживающая привычка, говоря, медленно качать головой, словно одновременно она отрицает каждое произносимое ею слово.

К нам с ней подошел кто-то более или менее известный, и, повернувшись к нему, она спросила:

- Вы не против, если я вам позвоню?

Я ушла рано. Выходя, я слышала, как кто-то сказал:

- Надеюсь, на моем поминании будет больше народу.

И еще:

- Теперь он уже официально стал мертвым белым мужчиной.

- Правда ли, что литературный мир заминирован ненавистью, что это поле боя, простреливаемое снайперами, где постоянно разворачиваются распри, подогреваемые завистью и соперничеством? – спросил одного известного автора репортер из Национального общественного радио. Автор ответил, что так оно и есть. – На этом поприще действительно много зависти и вражды, – сказал он. И попробовал объяснить:

- Этот мир похож на тонущий плот, на который пытаются взобраться слишком много людей. Так что, если тебе удастся столкнуть кого-то в воду, плот, на котором ты плывешь, поднимается из нее немного выше.

Если чтение, как нас постоянно уверяют, и впрямь развивает в людях способность сопереживать другим, то писательство, похоже, в какой-то мере нивелирует ее.

Как-то раз на одной конференции ты вогнал в ступор переполненную аудиторию.

– С чего вы все взяли, что быть писателем – это чудесно? Писательство, – сказал Сименон, это не профессия, а призвание, приносящее несчастье. – Это слова Жоржа Сименона, который написал сотни романов под своим собственным именем и еще несколько сотен под двумя дюжинами псевдонимов и который к тому времени, когда ушел на покой, был самым кассовым автором в мире. Ничего не скажешь, это большое несчастье.

Он хвастался, что переспал, по меньшей мере, с десятком тысяч женщин, многие, если не большинство из которых были проститутками, и называл себя феминистом. Его литературной наставницей была не кто иная, как сама Колетт [5 - Колетт, Сидони-Габриэль (1873–1954) – выдающаяся французская писательница, член Гонкуровской академии с 1945 года.], а его любовницей – сама Жозефина Бейкер [6 - Жозефина Бейкер (1903–1975) – знаменитая американо-французская танцовщица, певица и актриса.], хотя говорили, что он оборвал связь с ней, поскольку их отношения слишком мешали его работе, замедлив ее настолько, что в том году он написал всего лишь какие-то жалкие двенадцать романов. Когда его спросили, что побудило его стать романистом он ответил: «Ненависть к моей матери». (Должно быть, это была сильная ненависть.)

Сименон-праздношатающийся: замыслы всех моих книг приходили ко мне во время прогулок.

У него родилась дочь, которая оказалась психопатически в него влюблена. Когда она была маленькой девочкой, она попросила подарить ей обручальное кольцо, и он ей его подарил. По мере того как она росла, она несколько раз отдавала кольцо в ювелирную мастерскую, чтобы его расширили. Когда ей было двадцать пять лет, она застрелилась.

ВОПРОС: А где молодая парижанка может достать пистолет?

ОТВЕТ: В оружейной мастерской, о которой она прочла в одном из романов своего отца.

Как-то раз, в 1974 году, в той же университетской аудитории, где я иногда веду занятия, одна поэтесса объявила студентам, посещавшим занятия по писательскому мастерству, которые она вела в том семестре:

– Возможно, на следующей неделе меня здесь не будет, – затем, придя домой, она надела старую шубу своей матери и с бокалом водки в руке застрелилась в гараже.

Старая шуба ее матери – это как раз та деталь, на которую преподаватели писательского мастерства любят указывать своим ученикам, одна из тех выразительных, красноречивых деталей, такая, как, например, информация о том, каким образом дочь Сименона достала свой пистолет, – которые часто встречаются в жизни, но, как правило, отсутствуют в литературе, исходящей из-под пера тех, кто только учится писать.

Поэтесса села в свою машину, помидорно-красный винтажный «Кугуар» выпуска 1967 года, и включила зажигание.

Во время первого курса писательского мастерства, который я вела, после того, как сделала упор на важности деталей, один из учащих поднял руку и сказал, что он совершенно с этим не согласен. – Если вам нужна масса деталей, вам надо просто смотреть телевизор. – И впоследствии я поняла, что это замечание не так глупо, как показалось на первый взгляд.

Тот же самый студент также обвинил меня (он произнес «писатели вроде вас») в том, что я пытаюсь отпугнуть людей, которые хотят попытаться свои силы в литературном труде, стараясь внушить им, что писать гораздо труднее, чем это есть на самом деле.

– Зачем нам стараться это делать? – спросила его я.

– Да бросьте, – ответил он. – Разве это не очевидно? Все дело в том, что размер писательского пирога весьма ограничен.

Моя собственная преподавательница, учившая меня писательскому мастерству, любила повторять студентам, что если они могут, вместо того чтобы стать писателями, выбрать какую-либо другую профессию, то им следует выбрать именно ее.

Вчера вечером какой-то музыкант играл на флейте на узле станций нью-йоркского метро «Юнион-сквер» песню Эдит Пиаф [7 - «La vie en rose» - песня, впервые исполненная знаменитой французской певицей Эдит Пиаф в 1946 г. и ставшая ее визитной карточкой.] «Жизнь в розовом цвете» molto giocoso[8 - Очень игриво (итал).]. В последнее время я стала в этом плане очень уязвимой, назойливые мотивы привязываются ко мне часто, и игривое исполнение этой мелодии тем флейтистом преследовало меня целый день. Говорят, что лучший способ избавиться от преследующего тебя мотива - это прослушать пару раз всю песню до конца. И я прослушала наиболее известную ее версию, исполненную Эдит Пиаф, которая написала слова и впервые спела ее в 1945 году. И теперь в моих ушах неотвязно, не смолкая, звучит странный плачущий, выражающий саму душу Франции голос Эдит Пиаф, этого Воробышка[9 - Piaf - воробышек (парижский жаргон).].

А еще на станции «Юнион-сквер» я видела нищего с плакатом, на котором было написано «Бездомный беззубый диабетик».

- Хорошая надпись, - сказал один житель пригорода, ежедневно едущий в Нью-Йорк на работу, и бросил в бумажный стаканчик нищего несколько монеток.

Иногда, когда я тружусь на компьютере, у меня на экране выскакивает окошко с надписью: «Вы сейчас пишете книгу?»

Интересно, о чем со мной хочет поговорить твоя третья жена? Меня это не очень-то заботит. Если бы ты написал мне письмо или оставил какое-то другое послание, я бы его уже наверняка получила. Возможно, она планирует устроить еще какое-то поминальное торжество, например, публичное чтение воспоминаний о тебе, и если так оно и есть, то она опять собирается сделать как раз то, чего ты, по твоим словам, не хотел.

Я думаю об этом сбирище с ужасом не потому, что твоя третья жена вызывает у меня антипатию (это вовсе не так), а потому, что не хочу участвовать в подобных ритуалах.

И я не желаю говорить о тебе. Наши с тобой отношения были довольно необычны, и другим не всегда бывает легко понять их суть. Я никогда не спрашивала тебя и потому так и не узнала, что ты говорил о нас с тобой женам. Я всегда была тебе благодарна за то, что хотя твоя третья жена и не была моей подругой, как твоя первая жена, она не была и моим врагом, как вторая из твоих жен.

Она же не виновата в том, что любой твой брак означал приноравливание очередной жены к твоим дружеским связям, ибо таковы все браки. Наши с тобой отношения бывали наиболее близки, когда ты оказывался не женат, то есть эти периоды всегда длились недолго, поскольку ты всегда был почти патологически не способен к тому, чтобы подолгу оставаться в одиночестве. Ты однажды признался мне, что за небольшими исключениями – например, когда ты пропадал в командировках или в турне в поддержку последней книги (а то и в эти периоды) – ты в течение сорока лет ни разу не проспал ни одной ночи один. Между женами у тебя всегда были подружки, а между подружками – партнерши на одну ночь. (А еще были те, которых ты предпочитал называть мимолетными связями, и после секса с ними ты не спал.)

Должна со стыдом признаться: узнав, что ты опять влюбился, я всегда чувствовала душевную боль, а, услышав, что ты с кем-то порвал, всякий раз испытывала прилив радости.

Я не хочу говорить о тебе или слушать, как о тебе говорят другие. Разумеется, таково расхожее мнение: мы ведем беседу об умерших, чтобы их вспоминать, чтобы продлевать их жизнь единственным способом, который нам доступен.

Я чувствую облегчение от того, что меня хотя бы не приглашают в твой дом. (Он все еще остается твоим домом.) Правда, меня не связывают с ним какие-либо особо крепкие ассоциации, поскольку за те несколько лет, что ты в нем прожил, я побывала там только два или три раза. Я хорошо помню мой первый визит туда, состоявшийся вскоре после того, как ты въехал, когда провел меня по всему этому роскошному дому, построенному из красно-коричневого песчаника, и я любовалась его встроенными в стены книжными шкафами и красивыми коврами на потемневшем от времени буковом полу и лишней раз напоминала себе, как по сути своей буржуазны современные писатели. Как-то раз за великолепным ужином в доме другого литератора кто-то упомянул знаменитое высказывание Флобера[10 - Флобер, Гюстав (1821–1880) – французский прозаик-

реалист, считающийся одним из крупнейших европейских писателей девятнадцатого века.], о том, что писатель должен жить, как буржуа, а думать, как полубог, хотя мне всегда казалось, что собственная жизнь этого необузданного человека не очень-то напоминала жизнь обычного буржуа. «В наши же дни, – сказал хозяин дома (и все его гости с ним согласились), – прежних незадачливых представителей богемы уже практически не сыскать, и их заменили хипстеры, ловкие, искушенные, обладающие потребительской сметкой, нёбом гурмана, а также изощренным вкусом и во многом другом. И справедливо это или нет, – заявил наш хозяин, открывая третью бутылку вина, – многие писатели сейчас признаются, что стесняются или даже стыдятся того, чем они зарабатывают себе на жизнь».

Тебе, переехавшему в Бруклин задолго до тогдашнего бума, было досадно видеть, что этот район Нью-Йорка превратился в своего рода бренд, ты дивился тому, что о твоём Бруклине стало так же трудно писать, как в своё время о контркультуре шестидесятых: с какой бы серьёзностью ты ни брался за перо, из-под него все равно выходило нечто, отдающее пародией.

Не менее знаменитыми, чем высказывание Флобера, являются слова Вирджинии Вулф[11 - Вулф, Вирджиния (1882–1941) – британская писательница и литературный критик. Ведущая фигура модернистской литературы двадцатого века.]: «Нельзя хорошо рассуждать, хорошо любить и хорошо спать, если ты хорошо не отобедал». Аргумент принят. Но голодный художник не всегда был мифом, и стоит вспомнить, сколь многие мыслители жили, как бедняки, или же были похоронены, как бедняки, в общих могилах.

Вулф писала о Флобере и Китсе[12 - Китс, Джон (1795–1821) – выдающийся английский поэт-романтик.], как о гениях, жестоко страдавших из-за равнодушия, с которым к ним относился мир. Но как вы думаете, что написал бы о ней самой Флобер, который однажды сказал, что все женщины, занимающиеся искусством – это потаскухи? И у Флобера, и у Вулф были персонажи, кончавшие с собой, покончила с собой и сама Вулф.

Был период – и весьма долгий – когда мы с тобой виделись почти каждый день. Но в последние несколько лет можно было бы подумать, что мы живём не в разных районах Нью-Йорка, а в разных странах. Мы регулярно поддерживали

связь, но главным образом по электронной почте. Весь последний год мы чаще встречались случайно – на вечеринке, на публичном чтении или еще на каком-нибудь мероприятии – чем по договоренности.

Так почему же мне так страшно вновь войти в твой дом?

Думаю, я была бы сокрушена, случайно увидев какой-то знакомый мне предмет одежды, или же какую-то фотографию, либо книгу, или же уловив какой-то намек на твой запах. А я не хочу чувствовать себя сокрушенной, о господи, только не тогда, когда рядом со мной будет стоять твоя вдова.

«Вы сейчас пишете книгу? Вы сейчас пишете книгу? Кликните сюда, чтобы узнать, как ее можно будет опубликовать».

В последнее время, с тех пор, как я начала писать эти строки, на экране компьютера то и дело выскакивает новая надпись.

«Вы одиноки? Испуганы? Подавлены? Позвоните на Круглосуточную горячую линию по предотвращению самоубийств».

Единственное живое существо на земле, которое совершает самоубийство, это также единственное живое существо, которое плачет. Правда, я слышала, что загнанные олени, измученные попытками убежать от охотников и окруженные гончими, иногда также проливают слезы. Имеются сообщения и о плачущих слонах, и, разумеется, люди готовы рассказывать самые невероятные истории про плач кошек и собак.

Ученые считают, что слезы животных вызываются стрессом и их нельзя смешивать со слезами такого эмоционального существа, как человек.

Те человеческие слезы, которые вызваны эмоциями, отличаются по своему химическому составу от тех, которые образуются для смачивания и смазывания глаза, когда в него, например, попадает нечто, имеющее раздражающее действие. Известно, что излияние таких химических веществ в потоках слез

может принести плачущему пользу, что объясняет, отчего, выплакавшись, люди так часто чувствуют себя лучше, а также служит причиной неувядающей популярности слезливых мелодрам.

Говорят, великий Лоренс Оливье[13 - Сэр Лоренс Керр Оливье (1907–1989) – британский актер театра и кино, режиссер и продюсер. Один из крупнейших актеров двадцатого века.] очень досадовал на то, что, в отличие от других актеров, не способен плакать, когда того требует исполняемая им сцена. Было бы интересно узнать, каков химический состав актерских слез и к которому из описанных выше двух типов они принадлежат.

В произведениях фольклора и художественной литературе человеческие слезы, как и человеческие семя и кровь, могут обладать магическими свойствами. В конце сказки братьев Гримм про Рапунцель, когда после нескольких горестных лет разлуки она и принц вновь находят друг друга и обнимаются, ее слезы попадают ему в глаза и чудодейственным образом возвращают ему зрение, отнятое колдуньей.

Одна из легенд о жизни Эдит Пиаф также повествует о чудодейственном исцелении от слепоты. Рассказывали, что кератит, от которого она страдала в детстве и который на несколько лет лишил ее зрения, прошел, когда проститутки, работавшие в борделе, принадлежавшем ее бабушке, где маленькая Эдит какое-то время жила, взяли девочку с собой в паломничество к могиле Святой Терезы из Лизье.[14 - Исцеление маленькой Эдит Пиаф от слепоты произошло в 1922 г., а Тереза из Лизье была причислена к лику блаженных только в 1923 г., а к лику святых – в 1925 г.] Это могло бы быть просто еще одной сказкой, однако, по словам Жана Кокто[15 - Кокто, Жан (1889–1963) – французский писатель, поэт, драматург, художник и кинорежиссер. Одна из крупнейших фигур во французской литературе двадцатого века.], у Пиаф, когда она пела, «были глаза слепой, которую от слепоты исцелило чудо, глаза духовидицы».

«Но два дня я пробыла слепой... Что из увиденного мною ослепило меня? Я никогда этого не узнаю».

Слова поэтессы Луизы Боган[16 - Боган, Луиза (1897–1970) – американская поэтесса.], описывающей эпизод из своего детства, полного насилия и нищеты: «Наверное, я испытывала на себе насилие с самого своего рождения».

Я думала, что знаю сказку братьев Grimm «Рапунцель» наизусть, но я совсем позабыла, что принц в ней пытается совершить самоубийство. Он верит колдунье, когда та говорит ему, что он никогда больше не увидит Рапунцель, и бросается вниз с башни, где она раньше жила. До того, как я вспомнила эту деталь, моя память говорила мне, что колдунья ослепила его своими когтями – а еще я помнила, что колдунья сказала ему, что «красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выцарапает глаза». Но на самом деле принц лишился зрения, когда в отчаянии выпрыгнул из башни. Колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза.

Но даже будучи ребенком, я считала, что колдунья имела право разозлиться. Обещание есть обещание, его надо держать, и она отнюдь не обманом заставила родителей Рапунцель отдать ей свое дитя. Она хорошо заботилась о Рапунцель, ограждала ее от большого злого мира. И мне казалось совсем несправедливым, что первый красивый юноша, которому случилось проезжать мимо, мог увести Рапунцель прочь.

В тот период моего детства, когда из всего, что я читала, мне больше всего нравились волшебные сказки, у нас имелся сосед, слепой. Хотя он и был уже взрослым мужчиной, он продолжал жить со своими родителями. Его глаза всегда скрывали большие темные очки, и меня приводило в недоумение то, что слепому нужно защищать глаза от света. Та часть его лица, которая была видна, отличалась мужественной красотой, как у героев вестернов. Он мог быть и кинозвездой, и секретным агентом, но в истории, которую тогда написала я, он оказался раненым принцем, а слезы, которые его исцелили, были пролиты мной.

- Надеюсь, это заведение вам по вкусу. С вашей стороны было так любезно приехать так далеко.

Поездка, как ей отлично известно, заняла у меня менее тридцати минут, но твоя третья жена – женщина, неизменно следующая правилам хорошего тона. А «это заведение» было не чем иным, как прелестным кафе в европейском стиле, от которого рукой подать до твоего особняка. (Для меня это все еще твой особняк.) Когда я вошла и увидела ее, сидящую у окна и при этом не пользующуюся никаким электронным гаджетом, в отличие от всех остальных из тех, кто сидел там в одиночестве и даже некоторых из тех, кто был не один, а вместо этого смотрящую на улицу, я подумала – какое идеальное окружение для столь элегантной и красивой женщины.

«Она одна из тех женщин, которым известны пятьдесят способов, как повязать шарф» — это была одна из первых вещей, которые ты мне о ней сказал. И дело не столько в том, что она не выглядит на свои шестьдесят лет, сколько в том, что, посмотрев на нее, начинаешь думать, что можно быть привлекательной и в шестьдесят, причем не прикладывая для этого никаких усилий. Я помню, как мы все удивились, когда ты начал с ней встречаться, с вдовой лишь чуть-чуть моложе тебя самого. Мы при этом, разумеется, думали о твоей второй жене и о других, которые были еще моложе, и полагали, что, учитывая твои склонности, недалек тот день, когда ты начнешь встречаться с кем-нибудь, кто будет моложе твоей дочери. Но потом мы пришли к выводу, что, скорее всего, в объятия женщины средних лет тебя толкнули битвы, которыми был полон твой второй брак и которые, по твоим словам, состарили тебя на десять лет.

Но хотя я люблю ее — ее недавно подстриженными и окрашенными волосами, искусным макияжем, идеальным маникюром и наверняка таким же идеальным педикюром на скрытых туфлями ногах, — я не могу отделаться от одной мысли. От той мысли, которая пришла мне в голову, когда я увидела ее на твоём поминании и осознала, что вспоминаю одну историю, о которой много писали газеты — историю о семейной паре, чей ребенок бесследно исчез, когда вся семья отдыхала, поехав в отпуск. Шли дни, ребенок так и не нашёлся, не было никаких зацепок, и в конце концов тень подозрения пала на самих родителей. Их сфотографировали, когда они выходили из полицейского участка — обычная семейная пара с незапоминающимися лицами. Но что я запомнила, так это то, что губы женщины оказались накрашены и на ней были надеты украшения: что-то на шее, кажется, медальон и пара серег в виде крупных колец. То, что в такой момент эта женщина озаботилась тем, чтобы накрашиться и надеть украшения, тогда поразило меня. Я бы ожидала, что в такой ситуации она будет смотреться, как бомжиха. И теперь в этом кафе я опять подумала: она была его женой, и именно она нашла его тело. Но и сейчас, как и на той акции памяти она приложила все усилия, чтобы выглядеть не просто достойно, не просто собранно, а в своём самом лучшем виде: и её лицо, и одежда, и ногти на руках, и ногти на ногах говорили о том, что она тщательнейшим образом позаботилась абсолютно обо всем.

Нет, я не испытывала желания её критиковать, я чувствовала только изумление.

Она была другой – она была никак не связана ни с литературными, ни с академическими кругами, а таких людей в твоей жизни было немного. После окончания бизнес-школы она всю жизнь проработала консультантом по вопросам управления в одной и той же фирме на Манхэттене. «Но послушайте, она читает даже больше моего», – говорил ты, рассказывая о ней, и, слушая тебя, мы внутренне сжимались. Она с самого начала вела себя со мной вежливо, но сухо, проявляя готовность принять меня как одного из твоих самых старых друзей, но сама оставаясь для меня всего лишь знакомой. Это было куда лучше, чем безумная ревность твоей второй жены, которая требовала, чтобы ты порвал все отношения и со мной, и с любой другой женщиной из прошлого. Наша дружба раздражала ее необыкновенно; она называла ее кровосмесительными отношениями.

– Почему «кровосмесительными»? – спросила я.

Ты пожал плечами и заверил, что она имела в виду, что мы слишком уж близки.

Она так и не поверила, что между нами нет физической близости. Однажды, когда мы с тобой говорили по телефону, я сказала что-то, рассмешившее тебя. И услышала, как она жалуется, что ты мешаешь ей читать. Когда ты не обратил на нее внимания и продолжал смеяться, она пришла в бешенство и швырнула книгу тебе в голову.

Тогда ты первый раз сказал ей нет. Ты согласился видеться со мною реже, но отказался совсем вычеркнуть меня из своей жизни.

Какое-то время ты мирился со вспышками ее ярости, с летящими в тебя предметами, криками, плачем и жалобами соседей. А потом начал ей лгать. Мы несколько лет встречались с тобой тайком, будто и в самом деле были любовниками. Это звучит просто безумно. Ее враждебность ко мне так и не ослабела. Если нам с ней случалось встретиться на людях, она всегда смотрела на меня волком. Она сверлила меня злобным взглядом даже во время твоего поминовения. Ее дочери – твоей дочери – там не было. Кто-то сказал мне, что она занимается важным исследовательским проектом в Бразилии, думаю, это было связано с каким-то исчезающим видом птиц.

Вы оба страдали: ты и твоя отдалившаяся от тебя дочь, еще менее склонная простить тебе твою измену своей матери, чем она сама.

– Она не понимает, – сказал ты. – Она меня стыдится.

(Почему ты решил, что она не понимает?)

Но в речи, которую произнесла в память о тебе твоя вторая жена, не было ни капли злобы. Она заявила, что ты любовь и свет всей ее жизни, что ты – это самое лучшее, что с ней когда-либо происходило. И говорят, что теперь она пишет книгу о своей жизни с тобой. Причем это будет беллетризация. Возможно, из нее я узнаю, сказал ли ты ей, что один раз у нас с тобой все-таки был секс. Один раз. Много лет назад. Задолго до того, как с тобой познакомилась она.

Хотя ты сам едва-едва закончил учебу, ты уже начал преподавать. Я была не единственной из тех, кто у тебя учился, кто стал твоим другом, и в этой же самой группе мы оба познакомились с той, которая стала твоей первой женой. Ты был самым молодым преподавателем на факультете, его вундеркиндом и Ромео. Ты считал, что любые попытки изгнать из аудитории любовь обречены на провал. Ты говорил, что великий преподаватель – это всегда соблазнитель и бывают случаи, когда он должен также разбивать сердца. И хотя я не до конца понимала эти твои слова, от этого они не становились менее волнующими. Что я понимала, так это то, что жаждала знаний, а ты был способен мне их дать. Наша с тобой дружба продолжилась и после окончания учебного года, и тем летом – в то самое время, когда ты начал ухаживать за своей будущей первой женой, – мы с тобой стали неразлучны. И как-то раз ты меня изумил, сказав, что мы с тобой должны заняться сексом. Учитывая твою репутацию, это вовсе не должно было меня удивлять. Но прошло уже столько времени, что я перестала с волнением ждать, когда ты начнешь меня соблазнять. И вот ты прямым текстом предложил мне с тобой переспать. Я тупо спросила почему. Ты весело рассмеялся. «Потому, – заявил ты, касаясь моих волос, – что нам надо узнать друг о друге это». Думаю, ни одному из нас не приходило в голову, что я могу отказаться. Среди всех желаний, которые я испытывала в то время – а именно в это время они были неистовы, как никогда, – самым сильным было желание полностью довериться кому-то, какому-то мужчине.

Потом, когда ты сказал, что, попытавшись стать чем-то большим, чем друзья, мы совершили ошибку, я почувствовала, что сгораю от стыда.

Какое-то время после этого я притворялась больной. Потом устроила дело так, будто меня нет в городе. А затем заболела по-настоящему, и обвиняла тебя во всем, и проклинала тебя, и перестала верить, что ты можешь быть моим другом.

Но когда мы наконец увиделись вновь, вместо того, чтобы ощутить мучительную неловкость, которой я так боялась, я почувствовала, как что-то – некоторое напряжение и тревога, которых я до этого даже не вполне осознавала, отпускают меня и уходят прочь.

Разумеется, именно на это ты и рассчитывал. Теперь, несмотря на то что ты успешно завершил завоевание сердца своей первой жены, наша дружба продолжала крепнуть. Дружба с тобой переживет все остальные мои дружеские отношения. Она принесет мне ярчайшее счастье. И я чувствовала, что мне повезло: да, я страдала, но, в отличие от других женщин, я не осталась с разбитым сердцем. («Неужели?» – как-то раз не согласился со мной мой психотерапевт. Твоя вторая жена была не единственным человеком, видевшим в наших с тобой отношениях что-то нездоровое, и не только мой психотерапевт спрашивал меня, не сыграли ли они какую-то роль в том, что я за все эти годы так и не вышла замуж.)

Твоя первая жена. Это, несомненно, настоящая и страстная любовь. Но с твоей стороны она не была верной. Прежде чем вашему браку пришел конец, с твоей женой произошел нервный срыв. И не будет преувеличением сказать, что с тех пор она так и не стала прежней. Да и ты тоже. Я помню, как тебя истерзало то, что, выйдя из больницы, она немедля нашла себе другого.

Когда она снова вышла замуж, ты поклялся, что никогда больше не женишься. И следующее десятилетие твоей жизни было отмечено множеством романов, большинство из которых длились недолго, но несколько почти ничем не отличались от браков. И я помню, что каждый из них заканчивался изменой.

– Я не люблю мужчин, которые оставляют за собой вереницу плачущих женщин, – сказал Уистен Хью Оден[17 - Оден, Уистен Хью (1907–1973) – англо-американский поэт, родившийся в Великобритании и после Второй мировой войны переехавший в США. Считается одним из величайших поэтов двадцатого века.]. Он бы тебя точно возненавидел. Твоя третья жена. Помню, ты говорил

нам, что она – это скала. (Как ты выразился, моя скала.) Она была старшей из девяти детей, и на нее легла громадная ответственность, когда на мать обрушилась болезнь, лишившая ее трудоспособности, а отцу, чтобы содержать семью, приходилось работать на двух работах. О первом браке мне было известно только то, что ее муж был альпинистом и погиб в горах и что у них родился один ребенок, сын.

Сейчас мы с ней впервые встречаемся один на один. Поскольку, когда я общалась с ней раньше, она всегда была сдержанна, меня удивляет то, как разговорчива она сейчас, создается впечатление, что эспрессо развязал ей язык, словно вино. Говоря, она все время качает головой туда-сюда – может быть, так она пытается меня загипнотизировать? Мне кажется, она нервничает, хотя ее голос остается тихим и спокойным.

Ты не первый человек в ее жизни, который совершил самоубийство, говорит она.

– Мой дедушка застрелился. Я тогда была маленькой девочкой, и я его не помню. Однако его смерть сыграла большую роль в моем детстве. Родители никогда не говорили о ней, но его самоубийство продолжало оказывать воздействие на нашу семью, оно было как висящая над домом туча, как затаившийся в его углу паук или скрывающийся под кроватью гоблин. Он был моим дедом со стороны отца, и в меня вдолбили, что я никогда, ни при каких обстоятельствах, не должна спрашивать о нем моего отца. После того как я выросла, я наконец заставила мать кое-что мне о нем рассказать. Она сказала, что его самоубийство стало для семьи полной неожиданностью и шоком. Он не оставил предсмертной записки, и никто из тех, кто его знал, не могли назвать ни одной причины, которая могла бы толкнуть на подобный уход из жизни. Он никогда не выказывал никаких признаков подавленности, не говоря уже о каких-либо признаках склонности к самоубийству. Почему-то из-за того, что причина его смерти так и осталась тайной, мой отец пережил ее особенно тяжело и долгое время продолжал настаивать, что, должно быть, это было убийство. По словам матери, он больше злился на своего отца не за то, что тот покончил с собой, а за то, что никак этого не объяснил. По-видимому, он ожидал, что всякий самоубийца должен назвать причину своего поступка.

Ты же всегда страдал от депрессии. И эта депрессия, по ее словам, никогда не была более тяжелой, чем в те шесть месяцев прошедшего года, когда ты по утрам с трудом вставал с кровати и не написал ни единого слова. Но что было странно, так это то, что ты преодолел тот кризис и начиная, по крайней мере, с

лета, пребывал в добром расположении духа. Во-первых, по ее словам, долгий период твоего творческого бессилия закончился и после нескольких фальстартов ты наконец начал работать над каким-то произведением, которое тебя захватило. Ты садился за свой письменный стол каждый день и чаще всего говорил вечером, что работа у тебя шла хорошо. Ты много читал, как всегда, когда писал роман. И ты снова стал двигаться.

Как она объяснила, в прошлом твоя депрессия так усилилась, в частности, из-за того, что ты травмировал спину, передвигая тяжелые ящики, и после этого много недель не мог заниматься физическими упражнениями. Даже ходьба причиняла тебе боль. «А вы же помните его мантру, – сказала она: – Если я не могу гулять, я не могу писать». Но в конце концов травма спины у тебя зажила, и ты смог снова подолгу гулять и совершать пробежки в парке.

– И он также восстановил свои социальные связи и опять стал общаться со всеми людьми, встреч с которыми избегал, когда был в депрессии. И вам известно, что он завел себе собаку?

Ты действительно написал мне по электронной почте о псе, найденном тобой в парке во время одной из тех пробежек, которые ты совершал на рассвете. Он стоял на выступе, нависавшем над оврагом, выделяясь на фоне рассветного неба – самая большая собака, которую ты когда-либо видел. Мраморный дог. Ни ошейника, ни бирки с регистрационным номером на нем не было, и ты пришел к выводу, что хотя пес и был породистым, кто-то, вероятно, его бросил. Ты сделал все возможное, чтобы отыскать владельца, а когда твои попытки не удались, решил оставить его себе. Твоя жена была в ужасе. Ты написал, что она вообще не любительница собак, а Дайно очень большой пес. Целых тридцать четыре дюйма от плеча до лапы. И сто восемьдесят фунтов веса. Ты прикрепил к письму файл с вашей фотографией: вы двое щека к щеке, и его массивная голова на первый взгляд выглядела как голова пони.

Потом ты передумал называть его Дайно. По твоим словам, в нем было слишком много достоинства, чтобы носить такое имя. Что я думаю о кличке Ченс? Или Чонси? Или Диего? Или Ватсон? Или Ролф? Или Арло? Или Элфи? Мне нравились все эти клички. Но в конце концов ты назвал его Аполлоном.

Твоя третья жена спросила меня, не знаю ли я одного твоего друга, который покончил с собой за несколько месяцев до тебя. Я ответила, что никогда с ним не встречалась, хотя ты мне о нем рассказывал.

– Знаете, здоровье у этого бедняги просто ужасное. У него была эмфизема легких, стенокардия и диабет – так что качество жизни у него было поистине жутким.

А вот твое здоровье, наоборот, было великолепным. По словам твоего врача, сердце и мышечный тонус у тебя оказались такие же, как у намного более молодого мужчины.

Она замолчала и чуть слышно вздохнула, повернув голову к окну и начав обшаривать глазами улицу, словно ожидая, что ответ, который она пытается отыскать, наверняка сейчас покажется и что он просто немного запаздывает.

– Я веду к тому, что хотя у него и были свои подъемы и спады и стариться ему нравилось не больше, чем всем остальным, мне действительно казалось, что у него все идет великолепно.

Когда я ничего на это не ответила – а что я могла ответить? – она продолжила:

– Думаю, он зря бросил преподавательскую работу. Не только потому, что ему нравилось преподавать, но также и потому, что это придавало его жизни стабильность, что, я уверена, шло ему на пользу. Хотя мне также известно, что преподавание уже не приносило ему такого же удовлетворения, как раньше. Вообще-то говоря, он постоянно жаловался, говоря, что преподавание сейчас слишком деморализует, особенно если преподавательскую деятельность ведет писатель.

Мой телефон дзинькает. В поступившем сообщении нет ничего срочного, но я смотрю на время и ощущаю некоторое беспокойство. Нет, меня сегодня больше нигде не ждут, и нет на этот день никаких других планов. Но прошло уже полчаса, наши чашки опустели, а я до сих пор не знаю, зачем, собственно, я сюда пришла. Я продолжаю сидеть и ждать, когда она наконец заговорит о чем-нибудь конкретном, поднимет какую-то тему, которая окажется щекотливой и которую мне будет трудно с ней обсуждать, потому что я не знаю, о чем она

думает, и мне неизвестно даже, насколько она осведомлена о твоих делах. Мне приходят в голову сразу несколько веских причин, в силу которых ты мог ничего ей не говорить, к примеру, о группе студенток, которые пожаловались на то, что, обращаясь к ним, ты говоришь «дорогая».

Я считала, что эти студентки повели себя достойно: они написали письмо с жалобой напрямую тебе и только тебе.

Возможно, вы считаете, что такое обращение очаровательно. В действительности же оно оскорбляет наше достоинство. Оно неприемлемо и фривольно. Вы должны перестать его употреблять.

И ты перестал, но не без раздражения. Ты считал, что это совершенно безобидная привычка, ты обращался так к своим студенткам и студентам столько лет. Сколько именно? Да с тех самых пор, как начал преподавать. И за все это время никто ни разу не выразил по этому поводу и тени недовольства. И вдруг каждая женщина в твоей группе (как и большинство групп, изучающих писательское мастерство, эта состояла в основном из женщин) подписала это письмо. Само собой, ты воспринял это как коллективный наезд.

– Какая пошлость, согласна? – сказал ты мне. – Ты видишь, как вся эта история абсурдна и пошла? Вот бы каждая из них так накручивала себя по поводу собственного подбора слов!

Это был один из тех редких случаев, когда мы поссорились.

Я. То, что ни одна из них никогда ничего по этому поводу не говорила, вовсе не значит, что ни у кого из них не было возражений.

Ты. Полно, если никто ничего не говорил, стало быть, никто и не возражал, разве не так?

По глупости (теперь я признаю, что с моей стороны это было неосторожно) я тут же вспомнила знаменитого поэта, который преподавал в той же самой

программе, что и ты, много лет назад и который, набирая себе учеников, среди тех, кто конкурировал за место в его группе, требовал, чтобы каждая женщина беседовала с ним лично, дабы он имел возможность отбирать их по внешним данным. И это сходило ему с рук. Мне тогда показалось, что твоя голова взорвется от ярости. Как я могла прибегнуть к такому обидному для тебя сравнению! Да как я смею намекать на то, что ты когда-либо делал что-то подобное!

Прости меня.

Но что ты действительно делал, так это заводил многочисленные связи со своими студентками, как с теми, которых еще учил, так и с бывшими.

И никогда не видел в этом ничего предосудительного. (Если бы я считал, что это дурно, я бы этого не делал). К тому же правила, запрещающего это, не существовало. И ты считал отсутствие подобного запрета правильным. «Аудитория – это самое эротическое место на земле, – говорил ты. – Отрицать это было бы ребячеством. Почитай Джорджа Стайнера[18 - Стайнер, Джордж (род. 23 апреля 1929 г.) – французский и американский литературный критик, писатель и теоретик культуры. Преподавал во многих престижных университетах.]. Почитай его «Уроки мастеров»[19 - Книга Джорджа Стайнера, вышедшая в 2004 г., посвященная в частности анализу отношений наставник – ученик, начиная от Сократа и Иисуса до наших дней.]. Я читала Джорджа Стайнера, который был одним из твоих собственных учителей, и которого ты почитал и любил. Я читала «Уроки мастеров», и вот цитата из этой книги: «Чувственность, скрываемая или декларируемая открыто, существующая лишь в виде фантазий или претворяемая в жизнь, вплетена в сам процесс преподавания... Этот изначальный факт опошляется существующей заикленностью на сексуальных домогательствах».

То, что осталось несказанным: в этом разговоре я повела себя как лицемерка. Мы оба знали, что, учась у тебя, я трепетала всякий раз, когда ты называл меня «дорогая».

И я разрешаю тебе заметить, что было немало таких случаев, когда не ты соблазнял своих студенток, а они соблазняли тебя.

Но я также припоминаю, что была одна студентка, иностранка, которая отвергла твои заигрывания и впоследствии обвинила тебя, заявив, что ты отомстил ей за это, поставив оценку «А» с минусом вместо чистой «А», которой она заслуживала. Однако оказалось, что эта студентка взяла в привычку оспаривать оценки, и комиссия, разбиравшая ее жалобу на тебя, установила, что если оценка и была несправедлива, то в сторону завышения. Однако, хотя романтические отношения между преподавателями и студентками и не были официально запрещены, ты своим поведением продемонстрировал пренебрежение к приличиям и неумение выносить обоснованные нравственные оценки, чего никак нельзя терпеть.

Это было предостережение. На которое ты не обратил ни малейшего внимания. У тебя ушло много времени на то, чтобы измениться. Ушла целая вечность. Тебе только что исполнилось пятьдесят лет. Ты набрал двадцать фунтов, которые потом сбросил, но не сразу. Ты явился в тот бар навеселе, напился в стельку и начал изливать мне душу. Мне так хотелось, чтобы ты перестал. Мне было противно, когда ты говорил об этой женщине. Нет, это не была ревность, я тогда уже не испытывала ее и могла бы поклясться, что давным-давно примирилась с этой стороной твоей натуры. Но мне не хотелось чувствовать стыд за тебя. Ты понимал, что я ничего не могу поделать и все равно продолжал настойчиво демонстрировать мне свою рану. Несмотря на то что это подразумевало непристойное обнажение.

Ей девятнадцать с половиной – она еще достаточно молода для того, чтобы «с половиной» имело значение. Она тебя не любит, с чем ты можешь смириться (и что ты, честно говоря, даже предпочитаешь). С чем ты не можешь смириться, так это с тем, что она тебя не хочет. Иногда она имитирует желание, но никогда не делает этого в полной мере. Но по большей части она слишком ленива, чтобы даже пытаться. Правда состоит в том, что секс с тобой ей неинтересен. Она с тобой не из-за секса. И тебе отлично известно, что секс, который ей интересен, она получает где-то на стороне.

Но теперь это уже стало системой – молодые женщины, готовые заниматься с тобой сексом, но не разделяющие того желанья, которое влечет к ним тебя. Вместо желанья их теперь влечет к тебе самолюбование, наслаждение, которое они испытывают, заставляя мужчину, который старше их, мужчину, наделенного властью и имеющего авторитет, стоять перед ними на коленях. Эта девица девятнадцати с половиной лет от роду может дергать твое сердце за ниточки.

Дерг, дерг в эту сторону – нет, в ту сторону, профессор.

Ты любил повторять (думаю, цитируя кого-то), что молодые женщины – это самые могущественные люди на земле. Не знаю, так ли это, но мы все знали, какого рода могущество ты имел при этом в виду. Тебя всегда отличала половая распущенность (кажется, таким же был и твой отец). И при твоей красоте, твоём красноречии, твоём выговоре, как у ведущих Би-би-си и уверенности в себе тебе всегда было нетрудно увлекать в свои сети тех женщин, к которым тебя тянуло. И ты говорил, что напряженность твоей половой жизни не просто помогает тебе в литературной работе, а имеет для нее жизненное значение. Бальзак, который после ночи страсти сетовал на то, что из-за нее потерял книгу, Флобер, настаивавший на том, что оргазм высасывает творческие соки и что если ты предпочитаешь жизни работу, то должен согласиться на такое строгое половое воздержание, какое только может выдержать мужчина – все эти истории не лишены интереса, но в действительности все это просто глупость. Как говаривал ты, если бы подобные страхи имели под собой хоть какое-то основание, то самыми плодовитыми творцами на земле были бы монахи. И не следует к тому же забывать, что очень многие великие писатели были также и великими сердцедами, или им, по меньшей мере, был свойственен могучий половой инстинкт. Ты любил цитировать слова Хемингуэйя: ты пишешь для двух людей – во-первых, для себя самого и, во-вторых, для женщины, которую ты любишь.

Сам ты, как ты утверждал, писал лучше всего в те периоды, когда много и с удовольствием занимался сексом. В твоём случае начало очередной любовной связи совпадало со временем наибольшего творческого подъема. Эта твоя особенность была одним из оправданий для твоих измен. Я находился в творческом кризисе, говорил ты мне, а срок сдачи рукописи был уже на носу. И, произнося это, ты почти не шутил.

Еще ты говорил, что хотя твои амурные похождения и создают тебе проблемы в жизни, они того стоят. И, разумеется, ты никогда серьезно не задумывался над тем, чтобы измениться.

То, что рано или поздно перемены должны будут произойти – притом не потому, что ты сам этого захочешь, – тебя, похоже, почти не беспокоило.

В один прекрасный день в ванной гостиничного номера ты получил сокрушительный удар. Напротив душевой кабинки располагалось зеркало, в котором ты мог видеть себя в полный рост. Нет, ты не увидел ничего слишком уж отвратительного для мужчины средних лет. Но в ярком свете ламп подсветки ты не мог не разглядеть правды.

Такое тело не заведет ни одну женщину.

Ты лишился одного из тех даров, которые были тебе даны.

- Это было похоже, - сказал ты, - на своего рода кастрацию.

Но ведь это и называется старением, не так ли? Кастрация, но только снятая методом замедленной съемки. (Не цитирую ли я здесь тебя самого? Не взяла ли я это из какой-то твоей книги?)

Увлечение женщинами было такой неотъемлемой частью твоей жизни, что ты едва ли мог представить себе, что тебе придется обходиться без него. Кем бы ты был без него?

Кем-то другим.

Никем.

Однако ты был не готов сдаться. Во-первых, к твоим услугам всегда были проститутки. А во-вторых, ты вовсе не перестал затаскивать в постель студенток. В конце концов тебе и так известно, что молодым девушкам даже тридцатилетний мужчина кажется стариком.

Но до сих пор тебе не приходилось довольствоваться совокуплениями, в которых твоя партнерша отдавалась тебе, не испытывая вообще никакого желания.

Еще одно зеркало: «Бесчестье» Дж. М. Кутзее [20 - Кутзее, Джон Максвелл (род. 9 апреля 1940 г.) - южноафриканский писатель, критик, лингвист. В последние годы живет в Австралии. Лауреат Нобелевской премии 2003 г.] Одна из твоих - наших - любимых книг, написанная одним из наших с тобой любимых писателей.

Дэвид Льюри: такой же возраст, такая же работа, такие же склонности. И такой же кризис. В начале романа он описывает то, что ему представляется неминуемым уделом мужчины старшего возраста – стать клиентом, вызывающим у проституток гадливое содрогание, такое же, какое испытываешь, когда ночью видишь в раковине таракана.

В баре, напившись допьяна и став слезливым, ты рассказал мне, как тебе захотелось поцеловать свою крошку, а она отпрянула от тебя. «У меня свело шею», – сказала она.

– Почему бы тебе не перестать с ней встречаться, – говорю я – говорю механически, отлично зная, что ты не способен избавиться себя и от гораздо худшего унижения.

Дэвид Льюри приходит в такой ужас от своего унижительного состояния: перестав быть сексуально привлекательным, он тем не менее по-прежнему сгорает от похоти – что начинает задумываться о таком выходе, как кастрация, о возможности найти врача, который сделает ему такую операцию, или даже о том, чтобы, используя учебник по медицине, сделать ее себе самому. Ведь разве это превосходит по мерзости ужимки старого развратника?

Но вместо этого он насилует одну из своих студенток, как в омут головой бросаясь в бесчестье, которое погубит его навсегда.

Это была книга, которую ты прочитал своей кожей.

Но тебе повезло больше, чем профессору Льюри. Ты так и не познал бесчестья. Нередко твоим уделом бывала неловкость. Иногда даже стыд. Но никогда истинное, непоправимое бесчестье.

У твоей первой жены была своя теория. Есть бабники двух видов, говорила она. Те, которые любят женщин, и те, которые их ненавидят. Ты, по ее словам, принадлежал к первому виду. Она считала, что женщины скорее прощают бабников, относящихся к твоему виду, более склонны относиться к ним с пониманием и даже покровительственно. И если ты бабник именно такого вида, менее вероятно, что обиженная тобой женщина будет испытывать желание тебе отомстить.

Разумеется, говорила она, такому бабнику лучше быть человеком искусства или иметь какое-то другое возвышенное призвание.

Или быть чем-то вроде изгоя, живущего вне закона, подумала тогда я. Это привлекательнее всего.

ВОПРОС. От чего зависит, к какому виду относится бабник: к первому или ко второму?

ОТВЕТ. Разумеется, все дело в матери.

Но ты сделал одно предсказание: «Если я продолжу преподавать, раньше или позже это кончится плохо».

Я тоже этого боялась. Ты был одним из моих друзей, относящихся к типу Льюри: безрассудных, распутных мужчин, готовых рискнуть карьерой, средствами к существованию, своим браком – иными словами, всем. (Что касается вопроса почему они рискуют, если ставки столь высоки, то я могу объяснить это только одним: таковы мужчины.)

Сколько из всего этого известно твоей третьей жене? И есть ли ей вообще до этого дело?

Я понятия не имею, и у меня нет ни малейшего желания это выяснять.

Словно подслушав мои мысли, она говорит:

– Разрешите мне сказать вам, почему я хотела с вами поговорить. – От этих слов сердце почему-то начинает учащенно биться. – Это насчет пса.

– Насчет пса?

– Да. Я хотела спросить вас, не возьмете ли вы его.

– Возьму его?

- Да, не возьмете ли вы его к себе.

Ничего подобного я от нее не ожидала. Я чувствую облегчение и досаду – то и другое в равных долях.

- Я не могу этого сделать, – говорю я ей. – В моем многоквартирном доме не разрешают держать собак.

Она бросает на меня недоверчивый взгляд, затем спрашивает, говорила ли я об этом когда-нибудь тебе.

- Не знаю. Не помню.

Немного помолчав, она спрашивает меня, знаю ли я историю о том, как к тебе попал этот пес. По какой-то непонятной причине я качаю головой и даю ей возможность рассказать мне историю, которую я уже знаю. Когда ты решил оставить пса у себя, вы с ней крупно поругались. Такое красивое животное – и как она может не испытывать жалости к этому бедолаге, которого бросили на произвол судьбы? Но она не любит собак, никогда не любила, и этот пес – нет, он не плохой, он очень даже хороший, но он занимает слишком много места. Она сказала тебе, что отказывается брать на себя хоть какую-то часть ответственности за него – например, тогда, когда тебе будет надо уехать из города.

- Я умоляла его отдать его кому-нибудь еще, и тогда в разговоре всплыло ваше имя.

- В самом деле?

- Да.

- Но мне он ничего об этом не говорил.

- Это потому, что на самом деле ему хотелось оставить пса себе. И в конце концов он взял меня измором. Но несколько раз он упоминал в этой связи ваше имя. Она живет одна, у нее нет ни партнера, ни детей, ни домашних питомцев, она в основном работает дома и любит животных – вот что он сказал.

- Он так и сказал?

- Я бы не стала этого выдумывать.

- Нет, я не это хотела спросить - просто я удивлена. Как я уже сказала, он ничего мне об этом не говорил, и я никогда даже не видела этого пса. Я и, правда, люблю животных, но у меня никогда не было собаки. Только кошки. Я предпочитаю кошек. Но как бы то ни было, я не могу его взять. Так записано в моем договоре аренды.

- Да, вы говорили. - Ее голос дрожит. - Что ж, тогда я не знаю, что делать. - Ее плечи бессильно опускаются. За последнее время она многое пережила.

- Наверняка есть много людей, которые захотели бы взять к себе такого прекрасного породистого пса.

- Вы так думаете? Вероятно, так бы оно и было, будь он щенком. Но как вы и сами знаете, у большинства людей, которые хотят иметь собаку, она уже есть.

Неужели в ее семье нет никого, кто мог бы взять к себе этого пса, спрашиваю я.

Похоже, этот вопрос вызывает у нее раздражение.

- У сына и его жены только что родился ребенок. Они не могут взять в свой дом гигантского чужого пса.

Что касается ее падчерицы, то это тоже невозможно.

- Она проводит столько времени в полевых условиях, что у нее даже нет постоянного адреса.

- Уверена, что кто-нибудь все-таки найдется, - говорю я. - Давайте, я поспрашиваю.

Но, по правде сказать, я не очень-то надеюсь на успех. Она права. Те, кто хочет иметь собаку, ее уже имеют. И у любого из тех, о ком я думаю, если и нет собаки, то есть, по меньшей мере, одна кошка или один кот.

– А сами вы точно никак не можете оставить его у себя? – спрашиваю я, умалчивая, однако, о том, что, по моему твердому мнению, именно так она и должна поступить.

– Я рассматривала такую возможность, – уточняет она, но, по-моему, ее слова звучат неубедительно. – Ведь это было бы не навсегда. Доги живут недолго, возможно, от шести до восьми лет, а ветеринар сказал, что Аполлону уже около пяти. Но, по правде, я никогда не хотела, чтобы он жил со мной и особенно не хочу этого сейчас. Если бы я все-таки оставила его у себя, я уверена, что в конце концов я бы начала испытывать злость. А я не хочу с этим жить. Всегда испытывать это чувство, которое еще больше бы осложнило те и без того сложные чувства, которые... – Которые вызываете у меня вы – вот что она хочет сказать, но не говорит. – Это было бы уже слишком.

Я киваю, чтобы показать, что я, правда, ее понимаю.

– К тому же я собиралась скоро уйти на покой. И теперь, когда я стала жить одна, думаю, мне захочется больше путешествовать. И я не хочу, чтобы меня привязывал к месту какой-то пес, которого я вообще никогда не хотела у себя держать.

Я киваю. Я действительно ее понимаю.

Кто-то посоветовал ей связаться с частными приютами для собак, в которых им подыскивают новую семью и держат, не усыпляя, но у всех таких приютов, которые она обзвонила, были длинные листы ожидания. Ей было больно думать о том, что бы ты почувствовал, если бы она отдала твоего любимого пса человеку, которого она совершенно не знает, или в муниципальный приют, где, если его в течение определенного времени никто не возьмет, он будет усыплен. – Но, возможно, мне придется это сделать. Не может же он весь остаток своей жизни провести в гостинице для собак. Ведь это кроме всего прочего, стоит мне целого состояния.

– Вы поместили его в гостиницу для собак?

– Да, я поместила его в такую гостиницу, – говорит она, недовольная моим тоном, – потому что не знала, что еще могла бы сделать. Невозможно объяснить

собаке, что ее хозяин умер. Этот пес просто не мог понять, что его папочка больше никогда не придет домой. Он сидел у входной двери и ждал день и ночь. Какое-то время он даже отказывался есть, и я боялась, что он умрет от голода. Но хуже всего было то, что время от времени он издавал этот ужасный звук – он выл. Это был звук не громкий, но странный, как будто стонал призрак или еще какое-то жуткое существо в этом роде. Он все выл и выл. Я пыталась отвлечь его собачьим лакомством, но он всякий раз отворачивался от него. Один раз он даже зарычал на меня. Иногда он выл ночью. От этого воя я просыпалась и больше не могла заснуть. Я лежала в кровати, слушая его, пока мне не начинало казаться, что еще немного – и я сойду с ума. И каждый раз, когда мне удавалось взять себя в руки, я снова видела, как он ждет своего хозяина под дверью, или он опять начинал голосить, и я снова расклеивалась. Мне необходимо было убрать его из дома. А теперь, когда я его выгнала, было бы жестоко по отношению к нему возвращать его в тот же самый дом. Я не могу себе представить, что он мог бы снова почувствовать себя здесь счастливым.

Я вспоминаю историю Хатико, пса породы акита, который приходил каждый день на токийскую станцию «Шибуя», чтобы встретить своего хозяина, возвращающегося с работы – пока однажды этот мужчина внезапно не умер и Хатико пришлось прождать его напрасно. Но на следующий день и каждый день после этого на протяжении почти десяти лет пес продолжал приходить на станцию, встречая поезд в урочный час.

Никто так и не смог объяснить Хатико, что такое смерть. Люди смогли только превратить его имя в легенду, поставив ему памятник и все еще воспевая ему хвалы даже сейчас, почти сотню лет спустя.

Как это ни невероятно, история Хатико – это не рекорд. Фидо, пес из города в окрестностях Флоренции в Италии, прождал своего хозяина четырнадцать лет (тот погиб под бомбежкой во время Второй мировой войны) на автобусной остановке, куда он обычно приезжал после работы. А до Хатико был Бобби, скай-терьер, который каждую ночь последних четырнадцати лет своей жизни проводил у могилы хозяина, умершего в 1858 году и похороненного на кладбище Грейфрайерз в Эдинбурге, Шотландия. Интересно, что люди всегда рассматривали подобное поведение собак как проявление крайней преданности, а не крайней глупости или какого-либо другого психического отклонения. Лично я сомневаюсь в правдивости сообщений из Китая о какой-то собаке, якобы утопившейся от горя. Но именно из-за подобных историй я всегда предпочитала держать у себя не собак, а кошек.

– Что если бы вы взяли его к себе хотя бы на время? Даже это очень бы ему помогло. Ваша компания-домовладелец не стала бы возражать, если бы пес пожил у вас всего лишь неделю...

Дело не только в домовладельце, возражаю я. Моя квартира просто крошечная. Псу такого размера в ней было бы негде даже повернуться.

– О, но это же сторожевой пес. Ему, конечно, нужна физическая нагрузка, но не в такой мере, как другим породам собак. Даже если спустить его с поводка, он не отошел бы от вас далеко. И, как вы убедитесь сами, он очень послушен. Он знает все команды. Когда не положено, он не лает. Он не грызет вещи, не причиняет неприятностей. И не пытается залезать на кровать.

– Я уверена, что так оно и есть, но...

– Всего лишь несколько месяцев назад он прошел ветеринарный осмотр. Он здоров, если не считать некоторых проявлений артрита, которыми очень часто страдают большие собаки его возраста. И ему, естественно, были сделаны все необходимые прививки. О, я понимаю, что прошу вас о большом одолжении, но мне действительно хочется хотя бы на время забрать бедолагу из этой чертовой гостиницы для собак! Но если я приведу его обратно в дом, клянусь, что он проведет остаток жизни, ожидая своего хозяина под дверью. А он заслуживает чего-то лучшего, вам так не кажется?

Да, думаю я, и у меня разрывается сердце.

Нельзя объяснить собаке, что такое смерть.

А собака, продолжающая любить, заслуживает лучшей участи.

Часть 2

В основном он меня игнорирует. Он мог бы с таким же успехом жить здесь один. Иногда он встречается со мною взглядом, но сразу же отворачивается опять. Его

большие карие глаза кажутся на удивление похожими на человечесьи; они напоминают мне твои глаза. Я помню, как один раз, когда мне пришлось уехать из города, я оставила кошку у бойфренда. Он не был любителем кошек, но потом он рассказывал мне, как ему нравилось держать ее у себя, потому что, как сказал он, я скучал по тебе, а держа при себе ее, я чувствовал себя так, будто со мною продолжает находиться часть тебя.

Держать у себя твоего пса – это то же самое, что иметь при себе часть тебя.

Выражение его глаз не меняется. Наверное, такое же выражение было во взгляде пса Бобби, который день за днем лежал на кладбище Грейфрайерз на могиле своего хозяина. Я еще ни разу не видела, чтобы он вилял хвостом. (Хвост у него не обрезан, хотя уши купированы – к сожалению, неровно, так что одно ухо немного больше другого. К тому же он кастрирован.)

Он не пытается залезать на кровать.

Если он начнет залезать на мебель, заверила твоя третья жена, достаточно сказать ему «Лежать».

С тех пор, как он переехал ко мне, он большую часть времени проводит на кровати.

В первый день, обнюхав мою квартиру – обнюхав вяло, без малейших признаков интереса или любопытства, – он залез на кровать и разлегся на ней.

Я так и не смогла произнести команду «лежать».

Я подождала, пока не пришло время ложиться спать. Днем он съел миску сухого корма и позволил мне себя прогулять, но он сделал это, по-прежнему не обращая внимания на то, что происходит вокруг и даже не замечая этого. Его не заинтересовал даже вид другой собаки. (Однако сам он неизменно привлекает внимание. Надо будет к этому привыкнуть, приноровиться к тому, что ты являешься предметом постоянного внимания, что тебя и его постоянно фотографируют на телефон и все время спрашивают: «Сколько он весит? Сколько он ест? Вы не пробовали кататься на нем верхом?») Во время первой прогулки со мной он постоянно ходил, опустив голову, словно какое-нибудь вьючное животное. А вернувшись домой, сразу же запрыгнул на кровать.

Это изнеможение от горя, – подумала я. Ибо я была уверена, что он все понял. Он умнее тех других собак. Он понимает, что ты ушел навсегда. Он понимает, что уже никогда не вернется в твой особняк.

Иногда он лежит на кровати, растянувшись во всю свою длину и глядя на стену. Прошла уже неделя, как он живет у меня, а я все еще чувствую себя скорее его тюремщиком, чем человеком, заботящимся о нем. В первую ночь, когда я позвала его по имени, он поднял свою громадную голову, повернул ее и искоса на меня посмотрел. Когда я подошла к кровати, и мое намерение согнать его с нее стало очевидно, он сделал то, о чем я не могла даже помыслить – он на меня зарычал.

Другие люди изумлялись тому, что это меня не испугало. Неужели мне не пришло в голову, что в следующий раз одним рычанием дело не обойдется? Нет, я никогда об этом не думала.

Я была не совсем правдива, говоря твоей третьей жене, что у меня никогда не было собаки. Мне не раз приходилось делить жилище с человеком, у которого имелась собака. Однажды это была помесь дога с немецкой овчаркой. Так что нельзя сказать, что у меня вообще не было опыта общения с собаками, с большими собаками или с этой конкретной породой. И я, разумеется, знала, как страстно животные этого вида привязываются к людям, даже если они не заходят в своей любви так далеко, как Хатико и ему подобные. Кто не знает, что собака – это олицетворение преданности? И именно из-за этой инстинктивной преданности собак людям, даже тем, кто ее не заслуживает, я отдала предпочтение кошкам. Потому что лучше иметь домашнего питомца, который сможет прожить и без меня.

Я не солгала твоей третьей жене, когда сказала, что моя квартира крошечная – в ней едва будет пятьсот квадратных футов[21 - 46, 45 кв. м]. В ней две почти одинаковые по размеру комнатки, малюсенькая кухня и ванная, такая узкая, что Аполлон может войти в нее только передом, а выйти, только пятясь задом. В стенном шкафу спальни я держу надувной матрас, купленный несколько лет назад, когда у меня гостила сестра.

Я просыпаюсь в середине ночи. Мои шторы раздвинуты, луна стоит высоко, и в ярком потоке ее света я вижу большие блестящие глаза пса и его похожий на крупную сочную сливу нос. Я неподвижно лежу на спине, вдыхая едкий запах

его дыхания. Мне кажется, что так проходит долгое время. Каждые несколько секунд на мою щеку падает капля слюны с его языка. В конце концов он кладет массивную лапу размером с мужской кулак мне на грудь. Это тяжелый груз – как дверной молоток, которым стучат в дверь замка. Я не говорю, не двигаюсь и не пытаюсь его приласкать. Должно быть, он чувствует биение моего сердца. Меня посещает ужасающая мысль, что он может решить придавить меня всем своим весом, ибо я вспоминаю репортаж в новостях о верблюде, который прикончил погонщика, искував и излягав его и в конце концов сев на него, и как спасатели сдвинули этого верблюда с его тела только с помощью привязанного к животному пикапа.

Наконец он убирает лапу. И тут же тыкается носом в изгиб моей шеи. Это безумно щекотно, но я сдерживаюсь. Он обнюхивает всю мою голову и всю шею, затем ведет носом по всему краю моего тела, иногда тыкая меня носом так сильно, словно ему хочется добраться до чего-то, находящегося подо мной. Наконец, оглушительно чихнув, он снова ложится на кровать, и мы оба вновь погружаемся в сон.

Это происходит каждую ночь: на несколько минут я становлюсь предметом, привлекающим его обостренное внимание. Но днем он продолжает жить в своем мире и по большей части игнорирует меня. В чем же дело? Я вспоминаю кошку, которую когда-то держала – она ни разу не дала мне погладить себя или подержать на коленях, но как только я засыпала, она ложилась на мое бедро и спала там.

Правда и то, что в многоквартирном доме, где я живу, не разрешается держать собак. Я помню, что, подписывая договор долгосрочной аренды, не придавала этому никакого значения.

У меня тогда были две кошки, но мысли не было заводить еще и щенка. Владелец дома живет во Флориде, и я с ним не знакома. Управляющий живет в соседнем здании, которым владеет тот же человек, которому принадлежит и мой дом. Эктор родился в Мексике и находился там на свадьбе своего брата в тот день, когда я привезла Аполлона домой. В тот день, когда он вернулся, он сразу же наткнулся на нас, когда мы выходили на прогулку. Я поспешила объяснить ему ситуацию: хозяин пса умер внезапно, взять его было некому, кроме меня, и он останется на время. Это объяснение казалось тогда абсолютно правдоподобным, и мне и в голову не приходило, что я пойду на риск потерять квартиру на Манхэттене со стабильной арендной платой, квартиру, за которую я

держалась более тридцати лет, оставляя ее за собой, даже когда выезжала из Нью-Йорка, например, ради того, чтобы преподавать в каком-нибудь университете.

- Вы не можете держать здесь это животное, - заявил мне Эктор. - Даже временно.

Одна моя подруга рассказала мне о требованиях закона: если квартиросъемщик держит в своей квартире собаку три месяца и за все это время домовладелец не предпринимает юридических действий, чтобы выселить его, то квартиросъемщик может продолжать держать у себя эту собаку и выселить его за это будет уже нельзя. Мне это тогда показалось невероятным, но закон, касающийся содержания собак в нью-йоркских многоквартирных домах, действительно содержит такое положение.

При этом оговаривается, что нахождение собаки в доме должно быть открытым и скрывать его нельзя.

Нет нужды говорить, что скрывать этого пса было невозможно. Я вывожу его гулять по нескольку раз на день. Он стал местной достопримечательностью. Пока что никто из жильцов здания не подал на него жалобы, хотя, увидев его в первый раз, некоторые были удивлены и испуганы, а иные даже робко пятились, и после того, как одна женщина отказалась садиться вместе с нами в один тесный лифт, я решила, что мы всегда будем подниматься и спускаться по лестнице. (Когда он вприпрыжку бежит вниз по пяти лестничным маршам, это комичное зрелище, но это единственный случай, когда он кажется неуклюжим).

Если бы он имел привычку лаять, жалоб наверняка было бы немало. Но он удивительно - и даже настораживающе - безмолвен. Поначалу я беспокоилась по поводу воя, о котором мне рассказывала твоя третья жена, но пока что я его так и не слышала. Интересно, может быть, он больше не воет, поскольку сделал вывод, что его выгнали из особняка в собачью гостиницу именно из-за воя? Возможно, это предположение и натяжка, но мне кажется, что раз он больше не воет, это может объясняться тем, что он оставил надежду когда-либо увидеть тебя вновь.

– Вы не можете держать здесь это животное. (Он всегда произносит это животное, так что иногда я даже начинаю гадать: знает ли он вообще, что это собака?) Мне придется сообщить о нем.

Не думаю, что твоя третья жена говорила неправду, когда сказала мне, что Аполлон приучен не залезать на кровать. Она просто предположила, что он приспособится к коренному изменению окружающей его обстановки, не изменившись при этом сам. Так что я не слишком удивилась, обнаружив, что она была не права.

Я знала одну кошку, хозяйке которой пришлось отдать ее в другие руки, когда у сына развилась аллергия на чешуйки кошачьей кожи. Эту кошку передавали из одного временного дома в другой (мой был одним из них) пока ей подыскивали постоянное пристанище. Она смогла пережить два или три переезда, но после еще одного перестала быть самой собой. Она стала как выжатый лимон, сделалась такой нервной, что никто уже не мог ужиться с ней, и тогда первоначальная хозяйка велела ее усыпить.

Они не кончают с собой. Не плачут. Но они могут сломаться и иногда ломаются. У них может разбиться сердце, и иногда это происходит. Они могут потерять рассудок и иногда теряют его навсегда.

Однажды вечером, придя домой, я обнаружила, что мое рабочее кресло лежит на боку, а большая часть того, что лежало на письменном столе, валяется на полу. Аполлон изжевал целую пачку бумаг. (Теперь я могла бы совершенно честно сказать студентам: вашу домашнюю работу изжевала собака.) Я вышла из дома, чтобы выпить в компании другого преподавателя, и мы задержались в баре. Меня не было часов пять, и раньше я никогда не оставляла его так надолго. Пол усыпан поролоном из диванной подушки, и книга Кнаусгора[22 - Кнаусгор, Карл Уве (род. 6 декабря 1968 г.) – норвежский писатель, известный шестью автобиографическими романами под общим названием «Моя борьба».] в толстой бумажной обложке, которую я оставила на журнальном столике, разодрана в клочки.

Мне говорят: вам достаточно связаться по Интернету с группами любителей догов, и вы найдете кого-нибудь, кому можно будет его отдать. Но если вас выселят из вашей квартиры, вы уже не сможете найти себе квартиру, за которую сможете платить, во всяком случае, не в Нью-Йорке. Собственно говоря, с таким соседом вам будет вообще трудно найти квартиру где бы то ни было.

Я продолжаю фантазировать на тему серий «Лесси»[23 - Британский семейный фильм о дружбе мальчика и шотландской овчарки Лесси.]. Вот Аполлон расстраивает планы домушников, пытающихся пробраться в квартиру. Вот Аполлон спасает жильцов, отрезанных огнем. Вот Аполлон защищает маленькую дочку управляющего от педофила.

- Когда же вы избавитесь от этого животного? Он не может оставаться в доме. Мне придется о нем сообщить.

Эктор не плохой человек, но его терпение на исходе. И ему даже не надо говорить мне об этом: я знаю, что он может лишиться работы.

Один из моих друзей, очень мне сочувствующий, уверяет меня, что в Нью-Йорке домовладельцу может понадобиться уйма времени, чтобы выселить квартиросъемщика. Так что тебе не придется ночевать на улице, успокаивает он меня.

Дочитав до этого момента, некоторые люди начинают волноваться: не случится ли с догом чего-то дурного?

Если погуглить Интернет, можно прочитать, что дог – это Аполлон среди собак. Я не знаю, поэтому ли ты выбрал для него такую кличку, или же это было совпадение, но на каком-то этапе ты, скорее всего, узнал об этом, так же, как узнала об этом я. Со временем я также выяснила, что Аполлон – это не такой уж редкий выбор имени для собаки или какого-то другого домашнего питомца. Другие факты: откуда произошла эта порода, точно не известно. Считается, что их ближайший родич – это мастиф. И зря в англоязычных странах их называют датскими догами – так их назвал неправильно информированный французский

натуралист по фамилии Бюффон, живший в восемнадцатом веке, в то время как в Германии, с которой в основном и ассоциируется эта порода, таких собак называют Deutsche Dogge, или немецким мастифом.

Отто фон Бисмарк обожал догов; красный барон Манфред фон Рихтгофен[24 - Рихтгофер, Манфред фон (1892–1918) – германский летчик-истребитель, ставший лучшим асом Первой мировой войны. Известен как Красный барон, поскольку он покрасил свой самолет в красный цвет.] сажал своего дога к себе в биплан. Сначала этих собак использовали для охоты на вепрей, потом для сторожевой службы. И все же, несмотря на то что их вес может достигать двухсот фунтов, а рост, если они встают на задние лапы, может достигать семи футов, они известны не свирепостью или воинственностью, а ласковым нравом, спокойствием и эмоциональной уязвимостью.

Аполлон среди собак. Названный в честь самого греческого из всех богов Олимпа.

Мне нравится твое имя. Но даже если бы оно мне не нравилось, я бы не стала его менять. Несмотря на то что знаю: когда я произношу его имя и он отзывается – если он отзывается – скорее всего, он делает это в ответ на мой голос и тон, а не на само это слово.

Иногда я, как это ни глупо, начинаю гадать, каково его «настоящее» имя. Собственно говоря, за свою жизнь он мог сменить несколько имен. Впрочем, какая разница, какое имя у собаки? Если бы мы так и не дали домашнему питомцу имени, ему или ей это было бы все равно, но нам самим бы чего-то не хватало. У нее нет имени, говорят иногда о подобранной бездомной кошке, так что мы называем ее просто Киской. И все-таки это какое-никакое, а имя.

Мне нравится думать о том, что задолго до того, как свое мнение по этому вопросу выразил Т. С. Элиот[25 - Томас Стернз Элиот, известный как Т. С. Элиот (1888–1965) – англо-американский поэт, драматург и литературный критик. Представитель модернизма в поэзии. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1948 г. В частности, написал известное стихотворение «The Naming of Cats»– «Дать имя коту», где сказано «Дать имя коту – плод серьезных раздумий».], Сэмюэль Батлер[26 - Батлер, Сэмюэль (1835–1902) – английский писатель, художник, переводчик, один из классиков викторианской литературы.] заявил, что выбрать имя для кота – это один из самых трудных тестов на воображение.

И как не вспомнить твою собственную вызывающую безудержный хохот мысль:

– Разве было бы не проще, если бы мы просто назвали каждого кота и кошку Паролем?

Я знаю людей, которые резко возражают против того, чтобы вообще давать домашним животным имена. Они принадлежат к той же категории, как и те, кому не нравится само понятие «домашний любимец». Им совсем не нравится и слово «владелец», а от слова «хозяин» они вообще впадают в ярость. Таких людей раздражает само понятие господства – господства над животными, которое человечество со времен Адама считало своим правом и которое, с их точки зрения, всегда было самым настоящим порабощением.

Когда я сказала, что собакам предпочитаю кошек, я вовсе не имела в виду, что кошки нравятся мне больше. Эти два вида животных нравятся мне примерно одинаково. Но даже если оставить в стороне тот факт, что слепая собачья преданность выбивает меня из колеи, мне претит мысль о доминировании над животным. А между тем, даже если вам кажется нелепым называть владельцев собак рабовладельцами, невозможно отрицать тот факт, что собаки, как и другие прирученные животные, выведены специально для того, чтобы подчиняться людям, для того чтобы делать то, что нужно людям и для того, чтобы люди могли их использовать.

Но это не относится к кошкам.

Все знают, что первое, что Адам сделал с животными, которых Бог слепил из только что сотворенной Им земли – и это впервые ознаменовало его господство над ними, – это дал каждому из них название. И иные утверждают, что до того, как Адам присвоил животным их названия, эти животные вообще не существовали.

У Урсулы К. Ле Гуин[27 - Ле Гуин, Урсула Крёбер (род. 21 октября 1929 г.) – американская писательница и литературный критик. Получила наибольшую известность как автор произведений в жанрах научной фантастики и фэнтези.] есть одно произведение, в котором некая женщина, не названная по имени, но

явно являющаяся подругой Адама, Евой, берется за то, чтобы свести на нет последствия поступка Адама: она убеждает всех животных расстаться с данными им именами. (При этом кошки утверждают, что никогда их и не принимали.) После того как все животные становятся безымянными, женщина чувствует, что все стало по-другому: пала стена, исчезло расстояние между животными и ею, они стали едины и равны. Теперь, когда их не разделяют названия, нельзя больше отличить охотника от предмета охоты, едока от еды. Следующим неизбежным шагом Евы было вернуть Адаму то имя, которое дал ей он и его отец, оставить Адама и присоединиться ко всем остальным существам, которые, приняв свою безымянность, освободились от оков. Однако для Евы, единственной из всех живых существ, этот поступок означал также и отказ от речи, которая объединяла ее с Адамом. Но ведь, говорит она, одной из причин, побудившей ее сделать то, что она совершила, было то, что все их разговоры всегда заканчивались ничем.

По-видимому, Аполлона научили повиноваться людям еще в раннем возрасте – так, по словам твоей третьей жены, сказал ветеринар. Судя по его поведению, он был научен общаться как с людьми, так и с другими собаками. На его теле не было следов какого-то по-настоящему жестокого обращения. Но с другой стороны, эти уши: его отдали в руки какого-то мясника, который купировал их не только неровно, но и слишком коротко. Из-за этих остроконечных маленьких ушек на его огромной голове он казался менее царственным и выглядел более злым, чем на самом деле, но они являлись только одной из особенностей, из-за которых он был негоден для того, чтобы принимать участия в выставках.

Кто мог сказать, каким образом он оказался в парке, будучи чистым, достаточно упитанным, но не имеющим ни ошейника, ни регистрационного номера, ни бирки с именем и данными владельца? По словам ветеринара, такая собака ни за что бы не убежала от своего хозяина или хозяйки, разве что произошло нечто в высшей степени необычное. Однако его не только никто не разыскивал, но никто даже не заявил в полицию, что видел его прежде. Что означало, что он, возможно, явился откуда-то издалека. Был ли он похищен? Не исключено. Ветеринар не слишком удивился, узнав, что сам факт его существования, похоже, нигде не зафиксирован. Есть великое множество собак, сказал он, владельцы которых не позаботились о том, чтобы обратиться за получением на них регистрационного свидетельства, а в случае, если собака породистая, зарегистрировать ее в Американском клубе собаководства.

Возможно, владелец этого пса потерял работу и больше не мог позволить себе покупать корм и оплачивать услуги ветеринара. Конечно, трудно поверить, что человек, у которого он прожил всю жизнь, просто так выбросил его на улицу, оставив на произвол судьбы. Но, сказал ветеринар, подобные случаи не так редки, как можно было бы подумать. А может быть, случилось так, что он действительно был похищен, но, узнав, что его нашли, владелец решил, что без этого пса ему будет лучше. Жить без него стало легче, так пусть теперь о нем заботится кто-то другой! Ветеринар видел и такое. (Видела такое и я сама: несколько лет назад сестра и ее муж купили второй дом за городом. У тех, кто его им продал, чтобы перебраться во Флориду, была старенькая дворняжка. Они сказали, что она жила с ними со щенячьего возраста и была членом их семьи. Однако когда сестра и ее муж приехали в свое новое жилище, их там встретила эта самая собака, оставленная своими предыдущими хозяевами в одиночестве в пустом доме.)

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Флоренс Маргарет Смит, известная как Стиви Смит (1902–1971) – британская писательница, поэтесса и художница.

2

Сэмюэль Баркли Беккет (1906–1989) – ирландский писатель, поэт и драматург. Представитель модернизма. Один из основоположников театра абсурда. Получил всемирную известность как автор пьесы «В ожидании Годо». Лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 года.

3

Теодор (Тед) Банди – американский серийный убийца, садист, насильник и некрофил, действовавший в 70-е годы двадцатого века.

4

Шива – в иудаизме период обязательного семидневного траура.

5

Колетт, Сидони-Габриэль (1873–1954) – выдающаяся французская писательница, член Гонкуровской академии с 1945 года.

6

Жозефина Бейкер (1903–1975) – знаменитая американско-французская танцовщица, певица и актриса.

7

«La vie en rose» – песня, впервые исполненная знаменитой французской певицей Эдит Пиаф в 1946 г. и ставшая ее визитной карточкой.

8

Очень игриво (итал).

9

Piaf – воробышек (парижский жаргон).

10

Флобер, Гюстав (1821–1880) – французский прозаик-реалист, считающийся одним из крупнейших европейских писателей девятнадцатого века.

11

Вулф, Вирджиния (1882–1941) – британская писательница и литературный критик. Ведущая фигура модернистской литературы двадцатого века.

12

Китс, Джон (1795–1821) – выдающийся английский поэт-романтик.

13

Сэр Лоренс Керр Оливье (1907–1989) – британский актер театра и кино, режиссер и продюсер. Один из крупнейших актеров двадцатого века.

14

Исцеление маленькой Эдит Пиаф от слепоты произошло в 1922 г., а Тереза из Лизье была причислена к лику блаженных только в 1923 г., а к лику святых – в 1925 г.

15

Кокто, Жан (1889–1963) – французский писатель, поэт, драматург, художник и кинорежиссер. Одна из крупнейших фигур во французской литературе двадцатого века.

16

Боган, Луиза (1897–1970) – американская поэтесса.

17

Оден, Уистен Хью (1907–1973) – англо-американский поэт, родившийся в Великобритании и после Второй мировой войны переехавший в США. Считается одним из величайших поэтов двадцатого века.

18

Стайнер, Джордж (род. 23 апреля 1929 г.) – французский и американский литературный критик, писатель и теоретик культуры. Преподавал во многих престижных университетах.

19

Книга Джорджа Стайнера, вышедшая в 2004 г., посвященная в частности анализу отношений наставник – ученик, начиная от Сократа и Иисуса до наших дней.

20

Кутзее, Джон Максвелл (род. 9 апреля 1940 г.) – южноафриканский писатель, критик, лингвист. В последние годы живет в Австралии. Лауреат Нобелевской премии 2003 г.

21

46, 45 кв. м

22

Кнаусгор, Карл Уве (род. 6 декабря 1968 г.) – норвежский писатель, известный шестью автобиографическими романами под общим названием «Моя борьба».

23

Британский семейный фильм о дружбе мальчика и шотландской овчарки Лесси.

24

Рихтгофер, Манфред фон (1892–1918) – германский летчик-истребитель, ставший лучшим асом Первой мировой войны. Известен как Красный барон, поскольку он покрасил свой самолет в красный цвет.

25

Томас Стернз Элиот, известный как Т. С. Элиот (1888–1965) – англо-американский поэт, драматург и литературный критик. Представитель модернизма в поэзии. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 г. В частности, написал известное стихотворение «The Naming of Cats» – «Дать имя коту», где сказано «Дать имя коту – плод серьезных раздумий».

26

Батлер, Сэмюэль (1835–1902) – английский писатель, художник, переводчик, один из классиков викторианской литературы.

27

Ле Гуин, Урсула Крёбер (род. 21 октября 1929 г.) – американская писательница и литературный критик. Получила наибольшую известность как автор произведений в жанрах научной фантастики и фэнтези.

Купить: https://telnovel.com/nun-es_sigrid/drug

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)